И РАЗДАЧА СЛОНОВ

НАШ СОБЕСЕДНИК — НАРОДНЫЙ АРТИСТ ГРУЗИНСКОЙ ССР АРЧИЛ ГОМИАШВИЛИ.

По коридору гостиницы шел человек. На нем не было зеленого в талию костюма, шею не укутывал шарф, а на ногах не красовались лаковые штилеты с замшевым верхом апельсинового цвета... И замок двери в свой номер он открывал вовсе не ногтем большого пальца, а обычным ключом. И все равно ошибиться было невозможно: он! Остап Сулейман Берта-Мария Бендер! Впрочем, народный артист Грузинской ССР Арчил Гомиашвили и не возражал, потому что хоть съемки фильма «Двенадцать стульев» давно закончились, он никак не может освободиться от своего героя. Вот и в этом разговоре мы тоже не избежали магической власти книги, которую любим с детства. Поэтому вполне естественно сразу же прозвучал вопрос:

— Скажите, Арчил, чьим подданным был ваш папа?

— Мой папа не был турецко-подданным. Мой папашахтер, работал в Донбассе, где я и вырос. Как вы знаете, Остап в свое время так и не решился написать картину «Большевики пишут письмо Чемберлену» (по популярной картине художника Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»). К осуществлению этой мечты Бендера был близок я после того, как окончил художественную школу при Академии художеств Грузии. Неизвестно, что бы я еще изобразил, но тут, к счастью, меня встретил Георгий Александрович Товстоногов и пригласил в Тбилисский русский драматический театр имени Грибоедова. И под руководством Товстоногова я, в отличие от Остапа, стал зарабатывать деньги честным трудом. Играл много, но с каждой ролью мне почему-то все больше хотелось... помолчать. В этом могла помочь только пантомима. Я не занимался материализацией духов, не брал псевдонима «Марусинде», не был любимцем Рабиндраната Тагора (я любил Тагора больше, чем он меня)... Я просто сделал моноспектакль «О смешном и грустном», на которых зрители иногда даже смеялись и грустили.

— Ильф и Петров утверждали, что статистика знала все, кроме одного: сколько в стране стульев? Теперь статистика знает и это. И лишь одной ей неизвестно: сколько артистов мечтает сыграть роль Остапа Бендера? Как же вам это все-таки удалось?

— В далеком розовом детстве на глаза мне попала книга. Нет, это не была «Малая Советская энциклопедия», где все сказано про Рио-де-Жанейро. Это были два романа Ильфа и Петрова, которыми я мгновенно очаровался. А позднее решил сыграть сразу всех персонажей. Начал с «Золотого тельца». Так родилось представление «Остап Бендер на эстраде». Действительно, играл один за всех, а помогали мне музыканты в пикейных жилетах. Спектакль, наверно, жил бы до сих пор, если бы режиссер Леонид Гайдай не сделал мне заманчивое предложение: чтобы мой Остап помолодел, вернувшись из эпохи «Золотого тельца» к «Двенадцати стульям»... До этого на студии был конкурс. На роль Остапа пробовались многие актеры. Я в конкурсе участия не принимал по одной уважительной причине: меня не пригласили. Наконец утвердили исполнителя, он начал сниматься. Но по традиции кинематографистов в первый день съемок бросают «на счастье» тарелку, которая должна разбиться. На этот раз тарелка не разбилась (отличное качество продукции!). Все взволновались. Стали искать замену, и тут как раз подвернулся я.

— А вам на съемках всегда удавалось отделяться легким испугом?

— Помнится, газета «Станок» сообщила, что «попавший под лошадь извозчик № 8974 гр. О. Бендер отделался легким испугом»?

— Увы! Выражаясь языком людоедки Элочки: «Мрак! Жуть!» Например, когда снимали эпизод землетрясения, вся декорация буквально ходила ходуном. В один из моментов навстречу мне неся огромный шар. Я отскакивал, а сверху в этот миг бросали четырехстворчатую раму, в проем который я должен был умудриться просунуть голову. Отсняли двенадцать дублей. Самое смешное в этом эпизоде, что в картину он не вошел.

— А самый памятный эпизод из тех, которые все-таки вошли в фильм?

— Снимали финал. Остап уже знает, где заветный стул. Ночью он должен попасть в клуб, третье окно от парадного подъезда. Он обещает Кисе крем «Марго» и батистовые портянки. Потом Остап засыпает... Снималось это зимой. На дворе был мороз, я основательно промерз по дороге и перед камерой, согретый «юпитерами», заснул самым настоящим образом. Разбудил Гайдай: «Вставай, Арчил, уже отсняли». О, если бы можно было всю роль сыграть так, как этот эпизод!..

— Не случалось ли вам случайно бывать в Васюках?

— Случалось, и не случайно, потому что Васюки снимали именно в Васюках. Там я летел вниз по двухсотметровому желобу, и, честное слово, мне было не легче, чем реальному Остапу, который спасался бегством от членов «Клуба четырех коней».

— Как известно, «гроссмейстер сыграл е2—е4». Вы тоже за такое начало партии или, может, вообще предпочитаете шахматам другой вид отдыха?

— Против такого начала партии в принципе не возражаю. Я прилично играю в шахматы, и в результате — эпизод сеанса одновременной игры оказался неожиданно сложным. Крупные планы досок с фигурами пришлось несколько переснять, потому что я автоматически делал точные ходы. А вообще на отдыхе люблю пометчать о хорошей роли, роли современника, который озабочен не поисками бриллиантов, а более серьезными делами: работает, выращивает цветы, воспитывает ребенка...

— Трудно ли вам в жизни отделаться от манер своего героя?

— Очень. Потому что Остап — талантлив. Он заразил меня своей скоростью, реакцией, ритмом и теперь я в этом ритме живу, отчего порядком устал. Постоянно приходится ходить за Остапа расхлебываться. На улице тычет пальцем: «Вон идет Бендер!» Недавно слышал, как в гостинице одна дежурная говорила другой: «Ты за ним следи. Знаешь, с кем имеешь дело?..» Наверное, в чем-то виновата любимая фуражка Остапа, которую теперь ношу постоянно.

— А какие у вас дома стулья?

— Когда на съемках я расправлялся со стульями, один постарался оставить целехоньким. За аккуратность мне его подарили. И теперь стул у меня в квартире — почти настоящий гамбовский. Остальные попроще — из дешевой гарнитуры.

— Признайтесь по секрету, что бы вы сделали с сокровищами мадам Петуховой?

— Все сто пятьдесят тысяч рублей ноль-ноль копеек, я бы внес на студию «Мосфильм», чтобы переснять сцены, которые мне не очень нравятся.

— Итак, картина завершена. И что же, вы теперь навсегда расстались с Бендером?

— Наоборот, только-только сейчас у меня начинается новая встреча с Остапом. Состоится она в театре одного актера, в мюзикле «Золотой тельенок». Там будут и оркестр, и балет, и канат над зрительным залом, и фокусы «знаменитого бомбейского браминайога, сына Крепыша», и раздача слонов... Надеюсь, что через полгода ленинградцы смогут в этом убедиться лично... Так что дышите глубже — вы уже взволнованы. Командовать парадом буду я!

* * *

Придя в редакцию, я машинально ошупал сиденье стула. Просто так. На всякий случай. А вдруг?..

Л. СИДОРОВСКИЙ,